

ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПОЗНАНИЮ ИСТОРИИ: ИСЧЕРПАН ЛИ ЕГО ПОТЕНЦИАЛ?

© 2009 Г. М. Ипполитов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 07.11.2008

В статье доказывается, что в современной теории и методологии исторической науки потенциал формационного подхода к познанию истории до конца не исчерпан.

Ключевые слова: формационный и цивилизационный подход; марксизм; познание истории; исследовательский потенциал; Й.Рюзен; объект познания – историческое прошлое; субъект исторического познания.

Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты.

Ф. Энгельс¹

В начале XXI в. становится ясным, что в отечественной исторической науке идет процесс интенсивного поиска новых моделей и подходов к познанию истории, главным образом, на уровне теоретико-методологическом, а также и на уровне исследований конкретных исторических и историографических проблем. Ученые все чаще занимаются вопросами, связанными с выяснением динамики познавательных проблем, культурно-исторической природы познавательных средств, изменчивости категорий и понятий, с формированием новых познавательных установок и т.д.

Подобное во многом детерминировано тем, что история, как четко заметил германский ученый Й. Рюзен, известный специалист по теории и истории исторической науки, – гораздо больше, чем только само исследование прошлого, это существенный фактор культурной жизни в целом, поскольку человечество нуждается в ориентации во времени, которую мы реализуем, вспоминая прошлое².

В процессе, упомянутом выше, имеются три компонента: 1) объект познания, то есть прошлое; 2) познающий субъект, то есть историк; 3) подходы и методы познания. Причем здесь рельефно вырисовалась характерная черта, подчеркивающая современное состояние теории и методологии исторической науки, – плюрализм методов подходов к познанию исторической истины.

Следует подчеркнуть, что подходы и методы к познанию истории сами по себе представляют

(в общенаучном смысле) сложные теоретико-методологические феномены. Хотя в первом приближении они относительно похожи. Но только в первом приближении, что видно из компаративного анализа материала, сведенного в таблицу (см. табл. 1).

Посредством метода познается исследуемая проблема, событие, эпоха. Методы исследования являются наиболее динамичным компонентом исторической науки, который движет ее вперед. Появление новых методов часто приводит к изменению соотношения и роли старых и новых, а не к утрате первыми всякого значения. В отличие от конкретно-исторических фактов и концепций, подверженных быстрому обновлению, методы исследования отличаются, по точной оценке академика И.Д. Ковальченко, наибольшей “живучестью”³.

Подход – более широкое понятие. О ставшем или становящемся подходе можно говорить только тогда, когда объявлены или обоснованы его принципиальные отличия от иного подхода хотя бы в одном из трех эпистемических пространств:

1. В парадигме (онтологические картины, схемы и описания объектов).
2. В синтагме (способы и методы доказательства, аргументации, языки описания, объяснения и понимания).
3. В прагматике (цели, ценности, задачи, предписания, разрешенные и запрещенные формы употребления элементов синтагмы и парадигмы).

Обычно к анализу категории “подход” обращаются в особые периоды развития той или иной деятельности, когда фиксируются принципиальные изменения или возникают неразрешимые наличны-

*Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.
E-mail: pfiri@ssc.smr.ru*

Таблица 1. Сущность категорий “метод” и “подход”

Метод	Подход
Способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом. Метод в науке – также и заданный сопряженной гипотезой путь ученого к постижению предмета изучения.	Комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в познании и (или) практике, характеризующий конкурирующие между собой (или исторически сменяющие друг друга) стратегии и программы в философии, науке, политике или в организации жизни и деятельности людей.

ми средствами проблемы. Именно такие периоды в развитии науки и научной деятельности Т. Кун, судя по текстологическому анализу его фундаментального труда, назвал научными революциями⁴.

Представляется принципиальным подчеркнуть, что сегодня, в условиях теоретико-методологического плюрализма в отечественной исторической науке стало неписанным законом: выбор подходов к познанию истории – неотчуждаемое право исследователя. Вот почему современные исторические и историографические исследования выполняются с различных подходов: диалектический и диалектико-материалистический, развитый системный, общесоциологический, синергетический, историко-ситуационный, историко-ретроспективный, проблемно-хронологический и др. Между тем, среди данного множества повышенное внимание уделяется двум фундаментальным подходам к познанию истории – формационному (или монистическому) и цивилизационному (или плюралистическому).

Формационный подход к историческому процессу можно определить как субстанциальный. Он связан с нахождением единой основы общественной жизни и выделением стадий исторического процесса в зависимости от видоизменения данной основы. В рамках формационного подхода выделяют две концепции:

- 1) марксистскую;
- 2) теорию постиндустриального общества.

Марксистская концепция базируется на признании решающей детерминантой общественно-исторического процесса развитие способа производства. На этой основе происходит выделение определенных стадий в развитии общества - формаций⁵. Концепция постиндустриального общества в качестве главной детерминанты общественно-исторического процесса провозглашает три типа обществ: традиционное, индустриальное и постиндустриальное.

Необходимо подчеркнуть, что формационный подход к познанию истории (марксистская концепция) утверждал исключительность линейного развития; абсолютизировал экономическую составляющую истории; принижал значение социально-психологического — менталитета. Формационный подход (в марксистско-ленинском догматизированном измерении, адаптированный к нуждам

господствовавшего в СССР политического режима) являлся методологической основой советской исторической науки, малейшее отступление от которой жестко (а порою и жестоко) пресекалось.

Цивилизационный (плюралистический) подход к познанию истории, в отличие от формационного подхода, применительно к каждой выделяемой исторической ступени имеет дело не с одним, а несколькими основаниями. Поэтому он является комплексным, представляя собой собирательное понятие, обозначающее ряд связанных между собой и вместе с тем относительно самостоятельных цивилизационных парадигм. Цивилизационный (плюралистический) подход к познанию истории ставит в центр исторического анализа человека, личность с ее ментальностью, а не способ производства. Для него более существенное значение имеет понимание цивилизации как целостной общественной системы, включающей в себя различные элементы (религию, культуру, экономическую, политическую и социальную организацию и т.д.), которые согласованы друг с другом и тесно взаимосвязаны. Каждый элемент данной системы несет на себе печать своеобразия той или иной цивилизации, понятия, отличающегося смысловой многозначностью. Подобное своеобразие весьма устойчиво. И хотя под влиянием определенных внешних и внутренних воздействий в цивилизации происходят некоторые изменения, их некая основа, их внутреннее ядро остается неизменным.

При этом исследователи, базирующиеся на цивилизационном подходе к познанию истории, особый акцент делают на многовариантности и цикличности исторического развития, на анализе ментальных (социально-психологических) особенностей того или иного общества и типа цивилизации⁶. Разумеется, подобные методологические принципы никоим образом не вписывались в марксистскую, а уж тем более в марксистско-ленинскую догматизированную парадигму исторического познания. Поэтому цивилизационный подход в советской исторической науке в исследованиях фактически не применялся, а если о нем упоминали, то, как правило, в контексте критики всякого рода буржуазных концепций. Да и то, это больше являлось прерогативой философов, нежели историков.

Именно формационный (главным образом,

марксистская концепция) и цивилизационный подходы к познанию истории стали, начиная примерно со второй половины 80-х гг. минувшего века, наиболее дискуссионными. Причем имела место тенденция к противопоставлению данных подходов к изучению истории в формате “или – или”⁷. Подобное обуславливалось в том числе и тем, что в конце 80-х гг. XX в. стала нарушаться и, в конечном итоге, была ликвидирована монополия на формационный подход к изучению истории, безраздельно господствовавший в советской исторической науке.

Однако сегодня становится ясным: противопоставление формационного и цивилизационного подходов к познанию истории стало постепенно вытесняться взвешенными оценками как положительных, так и отрицательных их сторон⁸. Более того, ученые заговорили о необходимости синтеза формационного и цивилизационного подходов к изучению истории⁹. Даже появилось понятие “цивилизационно-формационный подход к истории”. Его сущность - концепция, согласно которой мировой исторический процесс рассматривается как “сложное взаимодействие различных обществ-цивилизаций в их развитии от доисторической, первобытнообщинной формации до современной, индустриальной формации, перерастающей в постиндустриально-информационную”¹⁰. Правда, подобная дефиниция пока что не нашла достаточно широкого хождения в научном обороте. По крайней мере, в сфере теории и методологии исторической науки.

Думается, что мнение о необходимости синтеза формационного и цивилизационного подходов к познанию истории можно, конечно, оспаривать, но, видимо, сложно в конечном итоге с ним не согласиться. Уместно в качестве аргумента привести оригинальный взгляд К. Поппера (кстати, непримиримого противника марксизма): “Все научные описания фактов в значительной степени избирательны... они всегда зависят от соответствующих теорий. Эту ситуацию лучше всего можно описать, сравнивая науку с прожектором... Что высветит прожектор, зависит от его расположения, от того, куда мы его направляем, от его яркости, цвета и т.д., хотя то, что мы увидим, в значительной степени зависит и от вещей, которые он освещает. Аналогично научное описание существенно зависит от нашей точки зрения, наших интересов, связанных, как правило, с теорией или гипотезой, которые мы хотим проверить. Но оно также зависит и от описываемых фактов. Все сказанное в высшей степени верно и в случае исторического описания с его “неисчерпаемым предметом исследования”, как охарактеризовал его А.Шопенгауэр”¹¹.

Тем не менее, по-прежнему имеет место критика формационного подхода к познанию исто-

рии, иногда даже резкая. Так, Л.И.Семенникова, судя по текстологическому анализу ее учебного пособия¹², выделяет, в качестве одной из стержневых, следующую авторскую позицию: необходимо освободиться от марксистского экономического редукционизма как от жесткой привязки любых исторических явлений к экономическому интересу. За подобным стремлением стоит утверждение о детерминизме К. Маркса как монокаузальности, то есть представление об экономическом факторе не только как фундаментальной, но и как единственной первопричины всех явлений и процессов в истории. Но это далеко не так. Подтвердим данный тезис аргументом, почерпнутым у одного из самых жестких критиков марксизма, К. Поппера. Он писал буквально следующее: “О марксовом материализме было сказано много совершенно несостоятельного. Особенно нелепо звучит часто повторяемое утверждение о том, что Маркс не признавал ничего выходящего за пределы “низших”, или “материальных”, аспектов человеческой жизни”¹³.

Гипотетически можно предположить, что критические замечания по поводу экономического детерминизма К. Маркса, высказанные Л.И. Семенниковой, зиждутся в большей степени на инерции мышления, нашедшей выражение в неприязни к марксову учению в виде марксизм-ленинизма в большевистском его измерении.

Ясно, что поиск ответа на вопрос, вынесенный в названии статьи, следует начать с выявления сущностных характеристик формационного подхода к познанию истории. Заметим, что он стал базой концепции материалистического понимания истории, которую ее авторы - К.Маркс и Ф.Энгельс - строили на четких исходных предпосылках: “Предпосылки, с которых мы начинаем, - не произвольны, они - не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем”¹⁴. Немаловажную роль для понимания сущности и содержания концепции материалистического понимания истории играет следующее резюмирующее суждение классиков марксизма: “Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства”¹⁵. В конечном итоге, К. Маркс и Ф.Энгельс построили рассматриваемую концепцию на четырех основных принципах:

1. Принцип единства человечества и, следовательно, единства исторического процесса. Классики марксизма исходят из следующей установки: если человечество закономерно, поступательно раз-

вивается как единое целое, то все оно должно проходить в своем развитии определенные этапы. Такие этапы они и назвали “общественно-экономическими формациями”. Общественно-экономическая формация, по К. Марксу, представляет собой общество, находящееся “на определенной ступени исторического развития, общество, со своеобразными отличительными характеристиками”¹⁶.

2. Принцип исторической закономерности. К.Маркс и Ф.Энгельс исходят из признания действия в историческом процессе общих, устойчивых, повторяющихся существенных связей и отношений между людьми и результатами их деятельности. О характере же реализации законов К.Маркс писал: “...общие законы осуществляются лишь весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний”¹⁷.

3. Принцип детерминизма - признание существования причинно-следственных связей и зависимостей. Из всего многообразия исторических явлений К.Маркс и Ф.Энгельс считали необходимым выделить главные, определяющие. “В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание”, - писал К. Маркс в “Критике политической экономии”¹⁸. Таким образом, главным, определяющим в историческом процессе, по их мнению, является способ производства материальных благ.

4. Принцип прогресса. С точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, исторический прогресс - поступательное развитие общества, поднимающееся на все более и более высокие уровни.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках формационного подхода различаются понятия: общественно-экономическая формация; историческая эпоха; исторический период. Но краеугольным камнем выступает здесь именно теория общественно-экономической формации.

Термин “формация” К.Маркс заимствовал из геологической науки, где им обозначалось напластование геологических отложений определенного

периода, которое представляло собой сложившееся во времени образование в земной коре. Применив данный термин в философии истории, К.Маркс вложил в него новое содержание, хотя элемент аналогии при этом сохранился. Думается, можно согласиться с мнением Ю.К. Плетникова, подметившего, что сходство между “формацией” в виде категории геологической науки и “формацией” в виде категории философии истории в том, что в обоих случаях речь идет “о возникающих и изменяющихся материальных образованиях”¹⁹.

Термин же “общественная формация” впервые в контексте философии истории в его категориальном значении К.Маркс ввел в научный оборот в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”. Он, исследуя политические процессы становления и развития буржуазного общества, обращал внимание на особенность формирования идей, отражающих коренные интересы восходящей буржуазии. Вначале эти идеи рядились буржуазными идеологами в форму, характерную для общественного сознания рабовладения и феодализма. Но так было лишь до утверждения буржуазных отношений. Как только “новая общественная формация (курсив авт. статьи - Г.И.) сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина...”²⁰.

В конечном итоге, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к заключению, что общественно-экономическая формация представляет исторически определенную ступень развития человеческого общества, исторического процесса, отражающая логику исторического процесса, его сущностные характеристики: исторически определенный общественный способ производства, систему общественных отношений, социальную структуру, в том числе классы и классовую борьбу и др.²¹ Основу же общественно-экономической формации, по К. Марксу, составляет тот или иной способ производства, который характеризуется определенным уровнем и характером развития производительных сил и соответствующими этому уровню и характеру производственными отношениями. Главные производственные отношения – отношения собственности. Совокупность производственных отношений образует базис, над которым надстраиваются политические, правовые и иные отношения и учреждения, которым в свою очередь соответствуют определенные формы общественного сознания: мораль, религия, искусство, философия, наука и т.д.

Следовательно, общественно-экономическая формация включает в свой состав все многообразие жизни общества на том или ином этапе его развития. Но развитие отдельных стран и регионов богаче формационного развития. Оно представляет все многообразие форм проявления

сущности исторического процесса, конкретизацию и дополнение формационных характеристик особенностями хозяйственных укладов, политических институтов, культуры, религиозных верований, морали, законоуложений, обычаев, нравов и т.п. Именно в таком контексте и возникают проблемы цивилизации и цивилизационного подхода к познанию исторической истины.

Базовыми звеньями формационного развития выступает так называемая “формационная триада”²² – три большие общественные формации. К.Маркс имел в виду первичную общественную формацию (общая собственность), вторичную общественную формацию (частная собственность) и третичную общественную формацию (общественная собственность). Правда, последнего словосочетания, именно в редакции, приведенной выше, у К.Маркса не имеется²³. Но некоторые исследователи считают, что понятие “третичная общественная формация” можно употреблять в комплексе с первыми двумя²⁴, с чем, видимо, можно, в основном, согласиться. Вторичная общественная формация, в свою очередь, обозначалась термином “экономическая общественная формация”. В качестве прогрессивных эпох экономической общественной формации были названы азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства²⁵.

Теперь конспективно обозначим (после относительно подробного разбора категории “общественно-экономическая формация”) основные сущностные характеристики формационного подхода к постижению исторической истины.

В соответствии с формационным подходом главное содержание эпохи составляет борьба старой и новой формаций, протекающая по определенным периодам. Революционный переход от одной общественно-экономической формации к другой является хронологическим рубежом различных эпох. При этом выделяют четыре основных этапа (эпохи) развития человечества и их научного осмысления: *древняя история; история средних веков; новая история; новейшая история*. В свою очередь, исторические эпохи делятся на исторические периоды. С точки зрения формационного подхода, человечество в своем историческом развитии проходит пять основных стадий-формаций: *первобытно-общинную; рабовладельческую; феодальную; капиталистическую; коммунистическую (социализм – первая фаза коммунистической формации)*²⁶.

Переход от одной общественно-экономической формации к другой осуществляется на основе социальной революции. Экономической основой социальной революции является углубляющийся конфликт между вышедшими на новый уровень и приобретшими новый характер

производительными силами общества и устаревшей, консервативной системой производственных отношений. Такой конфликт в политической сфере проявляется в усилении социальных антагонизмов и обострении классовой борьбы между господствующим классом, заинтересованным в сохранении существующего строя, и угнетенными классами, требующими улучшения своего положения²⁷. Революция приводит к смене господствующего класса. Победивший класс осуществляет преобразования во всех сферах общественной жизни и таким образом создаются предпосылки для формирования новой системы социально-экономических, правовых и иных общественных отношений, нового сознания и т.д. Так образуется новая формация. В данной связи в марксистской концепции истории значительная роль придавалась классовой борьбе и революциям. Классовая борьба объявлялась важнейшей движущей силой истории²⁸.

Изложенное выше дает основания полагать, что у формационного подхода к познанию истории имеются сильные стороны:

1. На основе определенных критериев рассматриваемая концепция создает четкую объяснительную модель всего исторического развития.
2. История человечества предстает как объективный, закономерный, поступательный процесс.
3. Ясны движущие силы данного процесса, основные этапы и т.д.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что у формационного подхода к познанию истории имеются и слабые стороны:

1. Априорная заданность однолинейного характера исторического развития. Теория формаций была сформулирована К. Марксом как обобщение исторического пути Европы. И сам он видел, что некоторые страны не укладываются в его схему чередования пяти формаций. Такие страны он отнес к так называемому “азиатскому способу производства”. На основе данного способа, по мнению К.Маркса, образуется особая формация. Но подробной разработки этого вопроса он не провел. Позже исторические исследования показали, что и в Европе развитие определенных стран (например, России) не всегда можно вставить в схему смены пяти формаций. Таким образом, формационный подход создает определенные трудности в отражении многообразия, многовариантности исторического развития²⁹.

2. Жесткая привязка любых исторических явлений к способу производства, системе экономических отношений. Исторический процесс рассматривается, прежде всего, под углом зрения становления и смены способа производства: решающее значение в объяснении исторических явлений отводится объективным, внеличност-

ным факторам, а основному субъекту истории – человеку – отводится второстепенная роль. Человек предстает в той теории лишь как винтик мощного объективного механизма, движущего историческое развитие. Таким образом, принижается человеческое, личностное содержание исторического процесса, а вместе с ним и духовных факторов исторического развития.

3. Абсолютизация роль конфликтных отношений, в том числе и насилия³⁰, в историческом процессе. Исторический процесс в анализируемой парадигме описывается преимущественно через призму классово-борьбы. Отсюда, наряду с экономическими, значительная роль отводится политическим процессам. Критики же формационного подхода указывают, что социальные конфликты, хотя и являются необходимым атрибутом общественной жизни, все же не играют в ней определяющей роли. Так, М. Барг писал, что при формационном подходе картина социальной структуры настолько объединяется, что вся многоплановая социальная структура так или иначе подтягивается к классам-антагонистам, а духовная культура сводится, несмотря на все свое богатство, к отражению интересов основных классов, к отражению первичной стороны и не рассматривается как самостоятельный, генетически независимый фактор³¹.

4. Элементы провиденциализма и социального утопизма. К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И. Ленин и другие марксисты затратили много усилий для доказательства неотвратимости наступления эры коммунизма. Между тем, утопический характер коммунизма обнаружился в последние десятилетия существования советской власти в нашей стране и мировой социалистической системы. Подавляющее большинство народов отказалось от “строительства коммунизма”. Однако представляется принципиальным подчеркнуть следующее обстоятельство: социалистическая идея - общественный идеал, рожденный противоречиями и конфликтами реальной действительности и развивающийся вместе с ней. И она будет существовать и играть важную роль, пока существует социальное неравенство, социальная несправедливость. Но реализовать идеал на практике нельзя. Исторический опыт сообщества мировых цивилизаций, накопленный в XX в., учит: невозможно говорить о коммунизме (социализме) как реальности, как высшей формации в развитии человечества.

Итак, формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его потенциал? Нет, не исчерпан. Конечно, если механически перенести всю совокупность взглядов и выводов классического марксизма середины прошлого столетия в начало XXI в. и некритически распространить их, то это значит скатиться на позиции

догматизма³². Но если подойти творчески, то станет ясным, что сегодня в вопросах исследования процесса историко-научного познания можно опираться на основные выводы диалектического материализма. А в эту систему координат формационный подход к познанию истории вписывается. Ведь он подразумевает рассмотрение исторических событий и явлений в качестве конечных в историческом пространстве и во времени и, в то же время, находящихся в непрерывном изменении, то есть в возникновении и исчезновении тех или иных ее сторон в рамках соотношения базиса и надстройки.

В пользу большого потенциала рассматриваемого подхода свидетельствует и то, что сегодня на современном уровне накопления знаний в сфере теории и методологии исторической науки не вызывает сомнений следующая гносеологическая посылка: только применение в комплексе всех подходов к познанию исторической истины обеспечит максимальное приближение к ней.

Однако подобная аргументация утвердительного ответа о потенциале формационного подхода к познанию истории носит достаточно обобщенный характер. Есть, между прочим, и более конкретные аргументы. Взять, к примеру, проблему исторического времени. Отдельные представители цивилизационного подхода к познанию истории допускают здесь определенную аморфность. Так, судя по текстологическому анализу работ Л.Н.Гумилева³³, историческое время трактуется в качестве процесса уравнивания энергетических потенциалов между элементами этносферы, нарушаемого пассионарными толчками. Слов нет, концепция уникальная, но ей не хватает логической стройности.

В то же время, если придерживаться системы координат формационного подхода к познанию истории, то можно акцентировать внимание на объективности исторического времени как среды, в которой существуют события. Открываются возможности для более четкого структурирования периодизации исторического процесса, с учетом того, что история - непрерывна и едина. Исходя из идеи общности процесса развития человечества, можно выделять в нем какие-либо этапы, сравнивать одну эпоху с другой. Правда, при этом не следует забывать следующего обстоятельства: идея объективности времени как среды, в которой существуют события, в XX в. уступила место представлениям об относительности времени. Историческое время мыслится как сложная конструкция, в большой степени “учрежденная” событиями или группами событий прошлого. Сама возможность периодизации основывается на достаточно условном видении истории как непрерывной и единой³⁴.

Потенциал формационного подхода к познанию истории можно использовать в военно-исторических исследованиях, в частности, по проблемам военного строительства. Историк столкнется здесь с такими аспектами, как рассмотрение системы взаимосвязанных экономических, социально-политических, собственно военных и других мероприятий по совершенствованию военной организации государства. И когда ему придется проследивать процесс создания и реформирования всех компонентов военной организации, приведения ее в соответствие с изменившимися внешними и внутренними условиями военного строительства, ему поможет четко структурированный понятийно-категориальный аппарат, имеющийся в формационном подходе к познанию истории. При его помощи можно выявить (естественно, на базе анализа конкретно-исторического материала) зависимость основных программ военного строительства от направленности политики, характера военной доктрины, общей военно-политической обстановки в мире, их обусловленность уровнем развития производительных сил, состоянием экономики, населения, военно-географическими особенностями, а также характером возможных войн и конфликтов в той мере, в какой военно-политическое руководство государства в состоянии правильно оценить совокупность этих данных и принять рациональное решение по ним и т.д.³⁵

Сказанное относится и к исследованиям по истории строительства вооруженных сил государства, являющегося составной частью военного строительства³⁶.

Формационный подход к познанию истории можно творчески использовать в исследованиях по предметно-тематической историографии. Он позволяет, в частности, определить степень отражения в историографических источниках роли государства в разработке концептуальных основ решения каких-либо фундаментальных проблем. Например, роль Советского государства в разработке концептуальных основ проблемы морального духа вооруженных сил страны, определения движущих сил данного процесса³⁷.

Формационный подход к познанию истории в исследованиях по предметно-тематической историографии позволяет опираться (по необходимости) на такой принцип, как принцип партийности. Тот самый принцип партийности, который усилиями некоторых исследователей в постсоветской историографии был возведен чуть ли не в ранг одиозных. Это стало возможным потому, что подобно принципу классового подхода к оценке событий и явлений, он имел статус ведущего в марксистско-ленинской методологии исторических исследований³⁸. Но данное обстоятельство не может вывести принцип

партийности из арсенала инструментария историографических исследований, когда в их основу кладется в том числе и формационный подход к познанию истории.

Однако его применение требует осторожности и ограниченности. Принцип партийности можно использовать, преимущественно, при оценке научного вклада ученых, подчиняющих факты истории обоснованию позиций какой-либо партии. В советское время, например, ученым предписывалось, исходя из принципа партийности, руководствоваться одним из основных критериев историографической оценки исследований – их соответствие требованиям партийных и государственных документов³⁹. Выдвижение принципа партийности как главного в советской исторической науке в целом и в историографической в частности, вело к искаженному представлению о реальном процессе становления взаимоотношений в обществе. К данной ситуации приводили навязанные исследователям-историографам априори такие идеи: о перманентном возрастании руководящей роли правившей в Советском государстве коммунистической партии; об исключительно позитивном характере ее деятельности в сфере укрепления обороноспособности страны, внешнеполитической деятельности и пр.

Тем не менее, вряд ли правомочно следовать в русле наметившейся в начале 1990-х гг. тенденции в постсоветской историографии, суть которой – исключительно нигилистическое отношение к принципу партийности в методологии исторических и историографических исследований. И хотя сегодня данная тенденция не получила большого распространения, следует подчеркнуть: она ненаучна. Так, если игнорировать полностью принцип партийности в рамках формационного подхода к познанию истории, то современный историограф будет вынужден: во-первых, упустить из виду отдельные проверенные на прочность историей теоретические постулаты (например, о решающей роли народных масс в защите Отечества, о необходимости укрепления обороноспособности страны⁴⁰); во-вторых, не учитывать вклад политических деятелей, ученых-историков, творивших в Советской России, СССР, русском зарубежье в разработку некоторых важных проблем историографии (об источниках и предмете исторического труда; об историческом и историографическом факте и источнике; о степени и критериях научности историографического анализа и др.).

Итак, думается, что приведенные выше примеры можно использовать в качестве аргументации тезиса о том, что формационный подход к познанию истории не исчерпал своего потенциала. Однако если посмотреть на архитектуру приводимых аргументов, то видно невооруженным глазом: формационный подход к познанию

истории еще увеличит свой потенциал, если будет применяться комплексно со всеми другими подходами, в первую очередь с цивилизационным подходом. Ведь и цивилизационный, и формационный подходы необходимы и важны, но не самодостаточны. Так, цивилизационный подход сам по себе не может объяснить причины и механизмы перехода от одной фазы цивилизационного развития к другой, а в рамках формационного подхода сложно описывать различие стран Запада и Востока.

Что характерно: комплексность применения двух рассматриваемых уникальных подходов зачастую лежит на поверхности. Вернемся для иллюстрации к ситуации с использованием формационного подхода в исследованиях по предметно-тематической историографии. Выше утверждалось, что он помогает, например, выявить роль Советского государства в разработке концептуальных основ проблемы морального духа Вооруженных сил страны, определения движущих сил данного процесса. Но, анализируя данную проблему, историограф просто будет обязан для обеспечения большей степени достоверности полученных научных результатов применить и цивилизационный подход, что найдет выражение, прежде всего, в том, что при анализе историографических источников обеспечивается целостное восприятие действительности, в них отраженной. Причем в эпицентре анализа различных аспектов истории изучения проблемы морального духа Вооруженных сил Советского государства ставится человек-воин как конкретный первичный субъект-носитель морального духа армии. Это и является практическим проявлением требований цивилизационного подхода к изучению истории - изучение прошлого в человеческих измерениях.

Таким образом, формационный подход к познанию истории, имея большой потенциал, может с успехом применяться сегодня в исторических и историографических исследованиях, выполняемых в системе координат современных научно-исследовательских парадигм. Его можно четко сопрягать, в первую очередь, с цивилизационным подходом, который выступает здесь не антагонистом, а полноправным партнером в поисках исторической истины. При этом стоит помнить об оригинальной мысли академика Д.С. Лихачева, заметившего однажды, что ученый не должен «оставаться пленником своих концепций»⁴¹

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

¹ Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня 1890 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 351.

² Rusen J. History. Narration – Interpretation – Orientation. New York. – Oxford, 2005. P.1.

³ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования - М., 1987. - С.18, 49.

⁴ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

⁵ См., напр.: Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. - Горький, 1975; Попов П.В., Сычев С.В. Методологические функции понятия “общественно-экономическая формация” // Методол. анализ некоторых философ. категорий. - М., 1976. - С. 93-99 и др.

⁶ См., напр.: Патрушев А.И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880 – 1936) // Новая и новейш. история. М., 1996. № 3. С. 122-144; Семенникова Л.И. Проблемы цивилизационного подхода к истории. - Уфа, 1994; Емельянов-Лукьянчиков М.А. Концепция исторического развития в наследии русских и европейских основателей цивилизационного подхода: дис ... канд. ист. наук. М., 2006 и др.

⁷ Дискуссия развернулась в работах, где тема поднимается в прямой постановке (см., напр.: Барг М. А. Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование науки // Коммунист. - 1991. - № 3. - С. 27-35; Он же. Категория “цивилизация” как метод сравнительно-исторического исследования // История СССР. – 1991 - №5. С.70-86; Маркин В.В. Цивилизационный и формационный подходы к анализу исторического процесса [Электрон. ресурс] - Режим доступа: <http://aeli.altai.ru>. – Загл. с экрана; Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триады К.Маркса // Сб. материалов научн. конф. к 180-летию со дня рождения К. Маркса [Электрон. ресурс]. - Режим доступа <http://mmj.ru/history>. – Загл. с экрана; Семенов Ю.И. Маркс-теория общественно-экономических формаций и современность [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_120.html. – Загл. с экрана и др.), или в контексте анализа крупных проблем теории и методологии истории (см., напр.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и “школа “Анналов””. М., 1993; Данилов В.Л. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Нов. и новейшая история. - 1993. - № 6. - С. 95-61; Журавлев В. Методология исторической науки: вчера, сегодня, завтра // Кентавр. - 1995. - № 6. - С. 140-146; Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Нов. и новейшая история. - 1995. - № 1. - С. 3-34; Маркс и современная философия. М., 1999; Россия и мировая цивилизация. М., 2000; Методологические проблемы исторического познания: В 2 ч. М., 2001; Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002; Мозильницкий Б. Г. О марксистской традиции в отечественной историографии // Историки в поиске новых смыслов. - Казань, 2003. - С. 54-65; Бородкин Л.И. Междисциплинарные подходы в исторической науке начала XXI века: подъем или упадок? Доклад // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://humanities.edu.ru/db/msg/45611> – Загл. с экрана; Ипполитов Г.М. Из опыта преподавания методологии истории в Самарском государственном педагогическом университете // Новая и новейш. история. 2007. №5. С. 80-89 и др.). Получила она некоторое отражение и в учебных изданиях (см., напр.: Румянцева М.Ф. Теория истории. Учеб. пособие. М., 2002; Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М., 2004; Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. – М., 2007).

⁸ См., напр.: Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории: теория и методология (Конкретно-истор. проблемы): [сб. ст.]: в 4 вып. - М., 1996; Семенов Ю.И. Маркс-теория общественно-экономических формаций и современность [Электрон. ресурс] - Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_120.html. – Загл. с экрана; Ерасов Б.С. Формационный и цивилизационный анализ российского общества // Рос. цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энцикл. слов. / ред. кол.: Мчедлов П.

- М. и др. - М., 2001. - С. 455-460 и др.
- ⁹ См.: Прокопенко С.А. О возможности синтеза формационного и цивилизационного подходов [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://mnpj.ru>. - Загл. с экрана.
- ¹⁰ Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999. С.473.
- ¹¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 300-301.
- ¹² См.: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учеб. пособие для вузов. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - Брянск, 1999
- ¹³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. С.121.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. С.14-15.
- ¹⁵ Там же. С.37.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.6. С.442.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 25. - Ч. 1. - С. 176.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд.2-е. Т.13. С.6-7.
- ¹⁹ Плетников Ю.К. Указ. соч.
- ²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 120.
- ²¹ Небезынтересно, что М. Вебер считал марксистские категории, в том числе и категорию общественно-экономической формации, "мысленными конструкциями" (Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 404). Вопрос, конечно, дискуссионный, но в основном М. Вебер, с точки зрения автора данной статьи, прав.
- ²² Такое название имеет хождение в научном обороте (см.: Попов В.Г. Идея общественной формации (становление концепции общественной формации). Киев, 1992. Кн. 1).
- ²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 419.
- ²⁴ См., напр.: Попов В.Г. Указ. соч.; Плетников Ю.К. Указ. соч.
- ²⁵ См.: Там же. Т. 13. С. 7.
- ²⁶ Так называемая "пятичленка". - Г.И.
- ²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.13. С.5
- ²⁸ Более подробно см., напр.: Красин Ю.А. Ленин, революция, современность. М., 1967; Проблемы теории исторического процесса - М. 1981; Келле В.Ж., Ковальзон М.И. Теория и история проблемы исторического процесса. - М., 1987;
- ²⁹ Правда, здесь нельзя не сказать о том, что К.Маркс категорически возражал против попытки трансформировать его "исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются..." (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 120). Это еще раз свидетельствует о том, что сегодня многие положения марксова учения, имеющего отношение к теории и методологии исторической науки, нуждается не только в критике (а она порою бывает и деструктивной), но и в новом прочтении. - Г.И.
- ³⁰ "Насилие, - писал Ф. Энгельс, - вместо того чтобы господствовать над хозяйственным положением, было вынуждено, наоборот, служить ему" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.20. С.185).
- ³¹ Барз М.А. Цивилизационный подход к истории. С. 33.
- ³² Того догматизма, главную характерную черту которого четко определил Г.-Ф. Гегель - одностороннее рассудочное мышление, когда "исключаются противоположные определения" (Гегель. Соч. М.; Л., 1929. - Т. 1. - С. 70). При чем догматизм выступает в тесной связи с конъюнктурщиной, отличающейся от догматизма лишь тем, что она может быть не закостенелой, а постоянно видоизменяясь, реагируя на политический ангажемент. - Г.И.
- ³³ См.: Гумилев Л.Н. Очерки теории этноса в исторический период. М., 1991; Он же. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992; Он же. Конец и вновь начало. М., 1997.
- ³⁴ Более подробно см.: Ретина Л.П. История исторического знания. С.39-42.
- ³⁵ Заметим в данной связи, что удачно применялся, в том числе и формационный подход к исследованию проблем военного строительства в ряде крупных военно-исторических исследований, увидевших свет в постсоветской России (см., напр.: Военная история Отечества с древнейших времён до наших дней: в 3 т. - М., 1995; Великая Отечественная война. 1941-1945: воен.-ист. очерки: в 4 кн. Кн. 1: Суровые испытания. - М., 1998; Золотарев, В. А. Военная история России / В.А. Золотарев, О.В. Саксонов, С.А. Тюшкевич. - М., 2001 и др.).
- ³⁶ Под строительством вооруженных сил подразумевается система взаимосвязанных мероприятий по созданию, развитию, комплектованию, техническому оснащению, подготовке и укреплению вооруженных сил государства, важнейшая часть оборонного строительства (см.: Словарь. [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://www.voina-i-mir.ru/dicdefinition/?id=608>. - Загл. с экрана).
- ³⁷ Это успешно сделал, например, В.Я. Ефремов в фундаментальной монографии, выполненной в ключе предметно-тематической историографии (см. Ефремов В. Я. Деятельность властных структур по укреплению морального духа Вооруженных сил Советского государства (1918 - 1991 гг.): историогр. исслед. - Самара, 2007).
- ³⁸ См., напр.: Бурмистров, Н. А. Партийность исторической науки: источниковед., историогр. и методол. аспекты: автореф. дис. ... докт. ист. наук - Казань, 1986.
- ³⁹ См.: Маслов Н.Н., Степанов В.В. Очерки источниковедения и историографии истории КПСС - М., 1974. - С. 5-7; Косолапов В.В. Методология и практика историографического исследования - Киев, 1977. - С. 249-256; Городецкий Е.И. Ленинская лаборатория исторического исследования // Вопр. истории. - 1982. - № 3. - С. 34-35 и др.
- ⁴⁰ Подобный постулат как раз был выведен в советской исторической науке с опорой на принцип ее партийности (см., напр.: КПСС и военное строительство / под ред. А. А. Епишева. - М., 1982; Великий Октябрь и защита его завоеваний: в 2 т. / под общ. ред. И. И. Минца. - М., 1987; Советские Вооруженные Силы на страже мира и социализма. - М., 1988 и др.).
- ⁴¹ Лихачев Д. Заметки и наблюдения: из зап. кн. разных лет. - Л., 1989. С.310.

FORMATION APPROACH TOWARDS HISTORICAL KNOWLEDGE: IS ITS POTENTIAL EXHAUSTED?

© 2009 G.M. Ippolotov

Volga Branch of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

The author makes an attempt to prove that the formation approach has not lost its potential for present-day theory and methodology of historical studies.

Key words: formation and civilization approaches, Marxism, historical knowledge, research potential, J. Rusen, object of historical study, subject of historical study.